

Ли Миньюй смущённо кивнул и, послушавшись, открыл посудомоечную машину, достал оттуда две только что высушенные тарелки и поставил их на плиту — они ещё были горячими на ощупь.

— Скоро будет готово, — сказал Ду Ицзэ, увидев, что тот застыл в нерешительности рядом, и решил, что он проголодался.

Ли Миньюй, глядя на две шипящие на сковороде котлеты, сглотнул слюну.

— Ничего, ничего! Не торопись!

Он быстро взглянул на Ду Ицзэ и заметил, что тот снова завязал волосы.

Полуденное солнце, светившее в окно, и отсутствие кепки делали черты лица Ду Ицзэ невероятно чёткими. Его брови были изящны, нос прямой, а улыбка оставляла на щеке одну ямочку. Если бы не крепкие, напряжённые руки, выглядывающие из-под рукавов футболки, можно было бы подумать, что это лицо принадлежит женщине, разве что слишком мужественное.

Ли Миньюй вспомнил, как мать рассказывала ему о Тяньло Гунян, небесной фее, которая спустилась на землю, чтобы заботиться об одиноком юноше, готовить ему еду, стирать одежду, вести хозяйство... Тогда он считал, что у этой небесной феи явно не все в порядке с головой, как она могла полюбить бедного деревенского парня? Но теперь, когда подобное чудо случилось с ним самим, он ничуть не думал, что у Ду Ицзэ что-то не так.

Думая об этом, он невольно снова посмотрел на Ду Ицзэ, испытывая одновременно благодарность и лёгкое сожаление: почему у него тоже есть «это»?

— Я и не знал, что ты умеешь готовить, — не удержался Ли Миньюй.

— Я научился позже, — ответил Ду Ицзэ, постучав лопаткой по краю сковороды. — Мне неудобно часто выходить, не могу же я постоянно питаться в ресторанах.

Была ещё одна причина, о которой Ду Ицзэ не стал говорить. В первые дни, когда он стал наёмником, он прошёл адскую подготовку в лагере, где часто проводил по две недели в дикой природе, ел кору деревьев, варил подошвы обуви и даже был отравлен слабительным. Вкус кожи и последствия этого он помнил до сих пор. Даже когда позже у него появились деньги и условия улучшились, он продолжал готовить сам, считая, что только то, что сделано своими руками, действительно безопасно, полезно, надёжно и гигиенично.

Ли Миньюй не слишком хорошо справлялся с бытовыми делами. Как главарь банды, состоящей из сотни человек, он всегда мог рассчитывать на то, что кто-то заплатит за него, а если он оставался дома, то всегда находились добровольцы, готовые принести ему еду. Поэтому его жизнь была довольно грубой, и он, вероятно, знал о различных функциях своего дома меньше,

чем Ду Ицзэ, который провёл здесь всего полдня. Например, он даже не знал, что у него есть маски и фартук.

Ду Ицзэ выложил готовое блюдо на тарелку, поставил её на стол, снял фартук и вернулся на кухню, чтобы налить две миски горячего риса.

— Не знаю, что ты любишь, поэтому приготовил немного и восточного, и западного.

— Я не привередлив! — Ли Миньюй энергично кивнул, положил себе котлету в миску и, продолжая есть, украдкой взглянул на кухню из-за края миски.

Ду Ицзэ был одет в чистую одежду, которую он дал ему вчера, и, к удивлению, она сидела как влитая. Ширина плеч футболки была в самый раз, видимо, в следующий раз можно будет купить одежду своего размера.

Ли Миньюй с удовлетворением вздохнул, его щёки были набиты едой.

— Вкусно, очень вкусно.

За эти годы его вкус почти испортился от жирной и острой пищи, и теперь, попробовав простую домашнюю еду, которую он ел в детстве, он был в восторге.

— Рад, что тебе понравилось, — спокойно сказал Ду Ицзэ, положив себе немного еды в рот. — Я и не думал, что встречу тебя здесь. Я думал, тебе не нравятся большие города.

Раньше Ли Миньюй говорил, что не любит большие города, потому что их школьный директор был из большого города. Хотя он и не общался с этим директором, по словам Ду Ицзэ, он стал ненавидеть людей из больших городов, считая их злыми и бессердечными. Поэтому он никогда не думал о том, чтобы переехать в большой город. Ему было достаточно стать владельцем лавки вонтонов и зарабатывать хотя бы половину того, что зарабатывал Ду Ицзэ.

Ли Миньюй до сих пор не оставил свою мечту открыть лавку вонтонов, а переехал в большой город только потому, что на его родной улице не осталось ничего, что могло бы его удержать.

— После того как мама ушла, я хотел найти новую работу. Думал, здесь больше возможностей, но в итоге вернулся к старому делу... — Ли Миньюй сделал паузу и продолжил. — На самом деле, я тогда не успел тебе сказать, что уже начал работать на посылках, когда ты только поступил в полицейскую академию.

Ду Ицзэ кивнул. Он уже знал об этом из досье Ли Миньюя.

— Наверное, боялся, что ты будешь смотреть на меня свысока. — Ли Миньюй проглотил кусок еды. — Мама очень тебя любила, она считала, что образованные люди — это круто. Жаль, что у

меня нет твоих мозгов, я даже школу не закончил.

Он захихикал, но сразу же понял, что не стоит продолжать, иначе разговор перейдёт на тему «Куда делся Ду Ицзэ?», и осторожно взглянул на него.

— Какая польза от учёбы? Я закончил школу, а всё равно живу как бродяга. — Ду Ицзэ улыбнулся, не обращая внимания. — Когда-то я даже хотел изменить мир, но это было так наивно и глупо.

— А как ты сам оказался здесь?

— Первые несколько лет я прятался в маленьких городках, но потом, когда меня перестали так активно искать, я выбрался. Я думал так же, как и ты: в большом городе, где все перемешано, может быть, смогу выжить.

Ли Миньюю эти слова показались довольно мрачными, особенно из уст такого разочарованного человека, как Ду Ицзэ. Он молча съел несколько ложек риса, но потом подумал, что Ду Ицзэ не так уж и неправ. Кто вообще может спасти мир? Где столько спасителей? И кто вообще сказал, что их хотят спасти? Лучше бы потратить это время на то, чтобы заработать пачку денег!

— Мы же говорили: главное — выжить! — Ли Миньюю оживился. — Не волнуйся, я знаком с местными полицейскими, ты можешь жить у меня, они до меня не доберутся!

В его голосе звучала нотка гордости. Чувство, что ты кому-то нужен, приятно, а быть нужным Ду Ицзэ — особенно. Ли Миньюю почувствовал, что и он может стать спасителем, тем более что Ду Ицзэ действительно нуждался в его помощи, и это не было пустой тратой времени.

— Правда?

— А как иначе?

Ду Ицзэ усмехнулся.

— Ты так меня прикрываешь, я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

— Что за благодарности? — Ли Миньюю обрадовался, увидев улыбку Ду Ицзэ, и тоже засмеялся. — Не стесняйся, брат, если что нужно — скажи.

Он вдруг задумался и добавил:

— Может, мне стоит сообщить твоим родителям?

— Не надо, они думают, что я мёртв.

Ли Миньюй замер.

— Ты с ними не связывался?

— Если бы я связался, разве я сейчас сидел бы перед тобой?

Ли Миньюй подумал, что это логично.

Ду Ицзэ пожал плечами.

— Пусть думают, что я мёртв. Боюсь только, что ты будешь стесняться такого «мёртвого» друга.

— Что за разговоры о смерти? Может, хватит уже говорить такие невезучие вещи?

Ду Ицзэ постучал себе по губам, показывая, что понял.

— Да-да, больше не буду.

Ли Миньюй, глядя на него, искренне подумал, что он изменился. Ду Ицзэ раньше точно так не говорил! Говорят, что один день разлуки — как три года, а сколько лет прошло с тех пор, как они виделись? Это же целые века! С этой точки зрения всё стало понятно, тем более что, по мнению Ли Миньюя, характер Ду Ицзэ стал лучше, и общаться с ним стало проще, чем в детстве. Раньше, когда их мысли были на разных волнах, ему было трудно поддерживать разговор, по современным меркам это можно было назвать неловким общением, и их дружба держалась только на упрямстве.

Но, несмотря на непонимание, Ли Миньюй всё же считал, что в детстве они были очень близки. В те времена у людей не было высоких запросов к духовным и материальным благам, каждый говорил своё, и они могли просто болтать по дороге домой, чтобы не чувствовать себя одинокими.

Ли Миньюй закончил обед, ответил на звонок и ушёл, пообещав вернуться вечером. Ду Ицзэ после его ухода достал копию телефона, нашёл запись недавнего разговора и поднёс к уху.

<http://bllate.org/book/15266/1347244>